

Предсказанія Ѳ. М. Достоевскаго о конституціи и революціи въ Россіи. (Изъ моихъ воспоминаній).

I.

Нынешнія событія, происшествія, а равно и всякія политическія и инныя безобразія въ Россіи какъ нельзя болѣе вновь подтверждаютъ, что нашъ знаменитый и столь уважаемый теперь повсюду писатель былъ не только великимъ сердцевѣдцемъ и знаткомъ человѣческой души, но и глубокимъ мыслителемъ и рѣдкимъ свѣдущимъ человѣкомъ въ нашихъ социальныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Много изъ того, что теперь въ нашемъ отечествѣ происходитъ и почти ежедневно удивляетъ Европу, онъ прямо предсказалъ въ свое время.

Однажды въ 1878 г. онъ принесъ въ мою редакцію „Гражданина“ замѣтку для напечатанія и сталъ ее со свойственною ему живостью въ такихъ случаяхъ читать, дѣлая словесныя дополненія и объясненія. Дѣло шло о какомъ-то, по его наблюденіямъ повальномъ безуміи, дѣтскомъ увлеченіи тогда еще вихомолку, нашей такъ называемой интеллигенціи европейскою конституціею, какъ вѣрно панацеею, имѣющею немедленно же исцѣлить Россію отъ всякихъ бѣдъ и неурядицъ въ томъ числѣ, конечно, и физическихъ! Замѣтка велась отъ имени либеральнаго пустого болтуна, коими увы! теперь Россія стала такъ богата; указавъ на разныя тогдашнія большія частью фальшивыя бѣдствія и неурядица, будто-бы невозможныя въ конституціонныхъ государствахъ, этотъ болтунъ въ концѣ своего „воззванія“ восклицалъ: „вотъ теперь появилась и надвигается на насъ (на Петербургъ) Ветлянская чума, — единственное средство спасенія противъ этого: конституція!“ Ну скажите ради Бога: развѣ этою сатирическою замѣткою Достоевскій не предугадалъ на цѣлую четверть вѣка впередъ буквально того что совершается теперь?!

Уже почти годъ какъ на св. Руси, ко всеобщему удивленію всѣхъ благоразумныхъ людей за границею, всѣ подобныя либералы, быстро переродившіеся въ ярыхъ радикаловъ и просто откровенныхъ революціонеровъ, а за нами и вообще всѣ болтуны не только изъ интеллигенціи, но и изъ всевозможныхъ полубразованныхъ разночинцевъ и даже просто изъ уличнаго сброда — только и режутъ, — что конституція да конституція, какъ „единственное“ средство исцѣленія противъ всего (кромѣ, однако, повальной среди нихъ самихъ глупости, о чемъ они, конечно, умалчиваютъ)!

Дѣло уже дошло до того, что наши врачи то тамъ, то сямъ въ публичныхъ засѣданіяхъ запальчиво отказываются лечить отъ всего и особенно отъ надвигающейся въ разныхъ мѣстахъ холеры — „пока не введутъ конституцію“, очевидно тоже считая послѣднюю „единственнымъ“ средствомъ и противъ этой заразы... Эти же благодѣтели общества, самолично прикрывающіеся именемъ знаменитаго Пирогова (это вполнѣ неосновательно, — такъ какъ Пироговъ даже тогдашнюю университетскую авторитетомъ откровенно признавалъ „несогласною съ нашимъ государственнымъ строемъ“), съ почти дѣтскою наивною, два раза въ своихъ засѣданіяхъ, выразили убѣжденіе, по поводу извѣстнаго (конечно, возмутительнаго) случая вышеченія въ Закавказской области генераломъ Ковалевымъ (окончившимъ потомъ жизнь самоубійствомъ) мѣстнаго, состоящаго на службѣ врача, изъ-за какой-то темной личной мести, — тоже, что „единственное“ средство противъ подобныхъ безобразій — скорѣйшее введеніе конституціи! А между тѣмъ, хотя здѣсь въ одномъ Берлинѣ 3 парламента и давно существуютъ даже 2 конституціи (одна прусская, а другая общегерманская), недавно одинъ помѣщикъ жестоко высѣкъ (ген. Ковалевъ по кр. мѣрѣ при помощи вполнѣ подчиненныхъ ему казаковъ, а этотъ при содѣйствіи свободныхъ „гражданъ“, за деньги) одну женщину и не грестую, — тоже изъ-за какой-то мести. И чтоже?

Его, конечно, присудили, какъ слѣдуетъ по закону, на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму и никто никакихъ либеральныхъ протестовъ, а тѣмъ болѣе требаній о введеніи изъ-за этого болѣе радикальной конституціи какъ „единственнаго“ средства правленія и не думалъ возбуждать. Да что уже много и говорить по поводу подобныхъ повальныхъ проявленій теперь у насъ столь явнаго безумія среди взрослыхъ и даже дѣтей насчетъ конституціонализма какъ будто-бы спасительнаго средства отъ всего, когда напр. такой казался-бы опытный писатель, какъ извѣстный корреспондентъ г. Немпровичъ-Данченко тоже позволялъ себѣ проповѣдывать подобный вздоръ! Да еще три раза: 2 раза въ корресп. изъ Манджурии, а одинъ разъ въ Москвѣ на какомъ-то тоже „митингѣ“. Вѣдь и онъ прямо утверждалъ (на это даже здѣсь обратили вниманіе), что будто-бы всѣ наши военныя неудачи произошли тоже отъ недостатка у насъ въ пресловутомъ „единственномъ“ средствѣ. Тогда какъ въ Японіи давно дѣйствуетъ европейская конституція,

наши солдаты продолжаютъ въ полномъ будто-бы „безправіи“ пребывать, оттого будто-бы и всѣ наши бѣды въ этой войнѣ (ну, а наши солдаты побѣдившіе первыхъ героевъ-полковцевъ: Карла XII., Фридриха Великаго и Наполеона Великаго пользовались тогда конституціею, какимъ-либо болѣе либеральнымъ „режимомъ“, чѣмъ шведы, прусски и французы? можно бы возразить на подобную, почти ребяческую болтовню)... Очевидно, г. Данченко, скажу мимоходомъ, не послѣдовалъ отличному совѣту, данному ему когда-то при мнѣ и въ моей квартирѣ Достоевскимъ — хорошо прочитавъ соч. Данилевскаго: „Россія и Европа“, каковой трудъ „замѣнилъ-бы ему цѣлый русскій университетъ“, прибавилъ тогда Ѳ. М., давалъ ему наставленія насчетъ того, какъ сдѣлаться хорошимъ русскимъ человѣкомъ и писателемъ.

Но я, кажется, уклоняюсь немного въ сторону отъ главнаго, дѣлая всѣ эти побочныя сравненія, сопоставленія и замѣчанія? На подобный маленький недостатокъ моего изложенія въ свое время обращалъ иногда вниманіе и самъ Достоевскій, съ которымъ, почти вѣстѣ, нерѣдко приходилось мнѣ составлять статьи. Но происходить, какъ онъ самъ объяснилъ мнѣ, это отъ особеннаго стремленія къ точности и обстоятельности изложенія. Не могу, однако, мимоходомъ не сдѣлать еще одного такого сравненія. Въ превосходно написанной В. П. Буренинымъ комедіи „Горе отъ глупости“, въ подраженіе (отличное подражаніе) знаменитой комедіи Грибоедова „Горе отъ ума“, столь удачно осмѣиваются всякія подобныя увлеченія конституціею и „революціею“ не только нашей неучащейся молодежи, но и современной интеллигенціи всякаго сорта, причемъ главная (вѣрная) мысль проводится та, что все горе отъ какой-то повальной у насъ теперь глупости... Достойно вниманія, что и самъ Достоевскій въ то время, о коемъ я вспоминаю, дѣлалъ мнѣ много разъ совершенно тѣже на этотъ счетъ объясненія, называя эти тогда еще негромкія увлеченія и старой нашей плохой въ свое время учившейся интеллигенціи и тогда уже начинавшей не учиться школьной молодежи какую-то повальную психическую заразу и почти общую глупость. Замѣчательное сходство мнѣніи! Недаромъ же Достоевскій такъ любилъ г. Буренина, считая его и покойнаго Страхова единственными у насъ серьезными и талантливыми критиками. И вслѣдствіе разсказа, когда онъ приходилъ ко мнѣ въ Петербургъ и Берлинъ (пробѣдомъ), то все говорилъ: „покажите мнѣ „Новъ Время“, что тамъ пишетъ мой милый Буренинъ, я его очень люблю“.

Возвращаясь къ главному, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, считаю своимъ долгомъ именно теперь, когда по всѣмъ извѣстіямъ изъ Петербурга тамъ Богъ знаетъ какіе „эксперименты“ творятся и еще все затѣваются въ извѣстномъ отношеніи, — отмѣтить и даже подчеркнуть, что нашъ великій писатель и ясный, твердый и глубокий мыслитель питалъ громадное, совершенно искреннее и непродолимо отвращеніе къ конституціи, какъ къ средству какого-то магическаго преобразованія Россіи, а тѣмъ болѣе успокоенія и спасенія ея отъ разныхъ въ ней временныхъ вольныхъ и невольныхъ нашихъ бѣдствій и то тамъ то сямъ безпорядковъ. Само собою разумѣется, что здѣсь подразумѣвается шаблонная европейская и именно парламентская конституція, которая уже неразъ приводила (у насъ увы! этого не хотѣтъ видѣть, особенно теперь!) многія государства къ еще большимъ бѣдствіямъ и безпорядкамъ, чѣмъ наши теперешніе и къ гораздо болѣе-му въ нихъ отношеніяхъ застою въ развитіи чѣмъ иногда оказывается застой нашей бюрократіи. Если же подъ конституціею, само названіе коей въ Россіи столь долго было запрещеннымъ плодомъ, разумѣть изданіе какого-либо твердаго уложенія, улучшающаго болѣе современнымъ образомъ до сихъ поръ бывшее довольно безправнымъ положеніе именно тѣхъ классовъ русскаго народа, коими собственно держалось и держится св. Русь, то такая конституція, какъ Достоевскій объ этомъ не разъ со мною разсуждалъ, всегда желательна.

Но, конечно, вовсе не о такой русской конституціи хлопотала тогда и хлопочетъ теперь изодня въ день наша полубразованная интеллигенція и неучащаяся молодежь, купная и уже открыто за одно со всякими уличными революціонерами. Имъ нужна именно та самая шаблонная конституція, которую такъ ненавидѣлъ Достоевскій, предсказывая, что день введенія ея въ великой Россіи будетъ началомъ дней не только ея ослабленія, но и разложенія... Такая конституція, одна мысль о коей столь всеумущаа Достоевскаго, есть плодъ (оказавшійся безплоднымъ теперь почти вездѣ, по сознанию даже наиболѣе толковыхъ либераловъ) измышленийъ такъ называемаго чистаго парламентаризма, при коемъ (на дѣлѣ) вся государственная машина только и вертится-бы около того, что такъ называемые министерскіе кабинеты все „падаютъ“-бы да „падаютъ“, по поводу всякаго, часто совершенно нелѣпаго рѣшенія случайнаго большинства нѣсколькихъ „голосовъ“ депутатовъ (иногда яв-

ныхъ враговъ отечества), а Русскій Бѣлый т. е. по всеародному у насъ убѣжденію могущественный Царь только и занятъ былъ-бы, какъ это постоянно практикуется у нашихъ наиболѣе конституціонныхъ, т. е. ослабленныхъ соудей, — постоянными совѣщаніями съ разными мнимыми первыми государственными людьми о сформированіи на мѣсто „павшихъ“ новыхъ министерскихъ кабинетовъ подѣ ихъ начальствомъ... Но великъ Богъ земли Русской! Этому, конечно, не бывавъ даже послѣ недавнихъ самыхъ удивительныхъ дополненій (о чемъ будетъ сказано послѣ), къ столь важному закону о неустѣпкой еще образоваться въ русскомъ духѣ государственной думѣ...

Постоянно издѣваясь надъ тѣми правительствами Европы (ихъ безспіемъ), гдѣ господствуетъ система такъ называемыхъ министерскихъ кабинетовъ (ея въ сущности нѣтъ даже въ республикѣ Сѣв. Америки), съ раздѣкою первыми министрами министерскихъ портфелей своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ и безпрерывными паденіями такихъ кабинетовъ, Достоевскій однакоже много разъ говорилъ со мною о нашемъ будущемъ національномъ представительствѣ. Подъ этимъ онъ разумѣлъ наши земскіе соборы или что-либо нѣсколько обновленное, т. е. въ родѣ зарождающейся теперь государственной думы, какою она казалась настоящимъ русскимъ людямъ до недавняго ея очень уже слѣснаго дополненія, грозящаго измѣнить всю ея (русскую) сущность... Такой реформы, по его словамъ, должно было ожидать въ царствованіе Александра III, а если нѣтъ, то уже „непремѣнно, непремѣнно“, какъ онъ утверждалъ, въ царствованіе Николая II. Отъ такого (всесословнаго) представительства, въ которомъ должно быть побольше настоящаго русскаго народа (не изъ городскихъ уже и спорченныхъ, особенно рабочихъ, массъ) и сельскаго духовенства (къ столичному онъ мало имѣлъ довѣрія, — увы! и въ этомъ отношеніи, какъ это недавно подтвердилось, оказавшись пророчкомъ), можно уже навѣрное ожидать „истиннаго“ выразительства нужды и пользы нашего народа“, какъ онъ увѣрялъ вѣстѣ съ лучшими нашими славянофилами (Аксаковымъ и др.).

Какъ далеко видѣлъ впередъ нашъ въ полномъ смыслѣ слова православный Федоръ Милайловичъ по нашимъ національнымъ и социальнымъ вопросамъ это особенно подтверждается еще его отношеніемъ къ занимающему въ настоящій моментъ не только всю Россію, но и весь просвѣщенный міръ вопросу, т. е. къ начавшейся уже въ нашемъ теперь вдругъ ставшемъ несчастнымъ отечествѣ контръ-революціи, антиреволюціи или проявляющихся то тамъ, то сямъ повяткахъ самаго народа, возмущеннаго до крайности небывалыми у насъ дерзостями новѣйшихъ революціонеровъ, отбить эту революцію собственными силами. Однажды, въ 1878 году, слѣшно и какъ-то тревожно приближавъ ко мнѣ, какъ это онъ часто дѣлалъ, когда желалъ подѣлиться волновавшими его мыслями и чувствами, Достоевскій и сталъ рассказывать мнѣ объ извѣстномъ тогда побитіи, легкомъ, не такомъ, какъ теперь, народомъ студентовъ и курсистокъ, собиравшихся на Казанской площади у церкви, а иногда и въ самой церкви (иногда съ папиросами!) и тѣмъ, конечно, еще болѣе оскорблявшихъ народъ въ его свѣтлыхъ чувствахъ, для знаменитыхъ демонстрацій тоже изъ-за конституціи. Указывалъ онъ особенно на то, что тогдашнія газеты радикальныя и нѣкоторыя либеральныя съ „Голосомъ“ во главѣ, все кричавшія прежде о какихъ-то крайнихъ стѣсненіяхъ полиціею на всякомъ шагу всего, будто-бы, лучшаго у насъ, вдругъ прямо такъ и заревѣли по поводу того инцидента, т. е. небольшого побитія самими народомъ и тогда уже неучившейся (части) нашей молодежи. „Да гдѣ же полиція-то была?! Вотъ каковы порядки нашего режима! Отчего же наши власти такъ бездѣйствовали! Подонки народа, извозчики, мясники, червь, всякая сволочь избиваетъ учащуюся молодежь, а сколько-нибудь дѣятельной полиціи и твердой власти нигдѣ не видать!“ и пр. и пр., говорилъ Достоевскій, передразнивая тогдашнихъ протестантовъ. Потрясая нервно рукою, онъ по поводу этихъ возгласовъ такъ и кричалъ: „А! каковы мерзавцы! Такъ и напишите, что они послѣ это просто мерзавцы! Какъ только коснулось ихъ лагера“...

В. Пуцуквичъ.

Вѣсти изъ Россіи.

Изъ русской деревни.

А. С. Суворинъ, издатель „Нов. Вр.“ глубоко правъ, высказавъ, что правительство въ тяжелые и трудныя дни, переживаемые Россіей, должно опираться на свою силу, и искренность, а не ограничиваться воззваніями и призывами къ обществу (см. № 10 646 „Нов. Вр.“). Я только-что сдѣлалъ 2000 верстъ по Россіи, былъ въ деревнѣ, бесѣдовалъ съ крестьянами, о которыхъ въ послѣднее время немного

Предсказанія Ф. М. Достоевскаго о контръ-революціи въ Россіи. (Изъ моихъ воспоминаній).

II.

Не помню, буквально-ли послѣдовалъ я тогда совѣту Достоевскаго, обозвалъ-ли я такъ рѣзко до смѣшного непослѣдательныхъ и двуличныхъ нашихъ либераловъ и радикаловъ, но именно въ настоящій моментъ особенно кстати напомнить объ этомъ. Едва началъ раздаваться то тамъ то сямъ ропотъ настоящаго народа, возмущаемаго уже много мѣсяцевъ самою безтолковою и безумною нашею доморощеною революціею (затѣяною именно разжирѣвшими въ лѣни и легкости у насъ жизни полубразованными „интеллигентами“), какъ уже тоже отчаянные крики изъ лагеря нашихъ особенно газетныхъ радикаловъ и революціонеровъ новаго закала: „Да гдѣ же полиція? Гдѣ же твердая власть? Гдѣ же правительствѣ? Упущенія, бездѣйствіе ва каждомъ шагу!“ И эта внезапная перемена потому, что возмущенный и разъяренный народъ когдѣ началъ уже было и ихъ лагерь бить, конечно, не всегда разбирая виновныхъ...

Нынѣшняго такъ называемаго „Новаго правительства“ за его недавнее дѣйствительное во многихъ отношеніяхъ бездѣйствіе, на удивленіе всей Европы допустившаго самое свободное развитіе этой ни съ чѣмъ уже несообразной россійской революціи, она тоже вовсе не порицала, напротивъ: даже теперь они, въ защиту этой нашей доморощенной свободы (и въ рессубинкахъ въ такомъ родѣ недопускаемой), скорѣй защищаютъ отъ патристической печати тѣ наши власти, которые все еще бездѣйствуютъ въ прежнемъ родѣ...

Но и этого мало. Они (нынѣшніе) при первой для ихъ лагеря опасности не только тоже начали ревѣть насчетъ самой скорой помощи пмъ со стороны той же полиціи, которую еще вчера поносили какъ никогда за ея хотя самое слабое противодѣйствіе всякимъ „освободительнымъ движеніямъ“, но всячески поносили народъ прямо уже требовали (и это самыя радикальныя газеты) для своей собственной охраны войскъ, а можетъ быть скоро потребуютъ для того же и пушекъ.*) Что сказалъ бы по этому поводу нашъ Достоевскій, еслибъ его Провидѣніе намъ сохранило по нѣмъ нынѣшніе ужасные дни, если онъ тогдашнихъ подобныхъ (но еще не такъ революціонно „рафинированныхъ“, какъ сегодняшніе) либераловъ и радикаловъ честилъ за такое ихъ поведение мерзавцами? „Мясники, лавочники, извозчики, дворники, всякіе мужики!“ все повторялъ онъ, перво смѣясь, слова тогдашнихъ „интеллигентныхъ“ протестовъ. „Каково? Да когда же это русскій народъ не изъ нихъ состоялъ, а изъ какихъ-то бунтующихъ студентовъ и всякихъ пакостныхъ нашихъ интеллигентовъ! А наши знаменитые спасители отечества: Косыма Мининъ-Сухорукъ и Иванъ Сусанинъ кто же были? Развѣ не мясники и не крестьянки? Вотъ что вы имъ напоминаете теперь, когда они такъ дерзко поносятъ народъ, а не преклоняются передъ нимъ“, все твердилъ онъ мнѣ. Особенно же часто повторялъ: „А студенты-народъ уже отмѣтилъ: это все они, эти студенты, говорятъ уже часто народъ“, тревожно поясняя Достоевскій, очевидно, сожалѣя студентамъ не только невинныхъ, но и виновныхъ при представлявшейся ему неизбежно рано или поздно расправѣ этого народа съ ними. Не даромъ же онъ въ извѣстномъ своемъ задушевномъ письмѣ ко мнѣ въ Берлинъ въ 1879 г. писалъ о нихъ: „Если будете писать о нигилистахъ русскихъ, то ради Бога не столько браните ихъ, сколько отцовъ ихъ, эту мысль проводите, ибо корень нигилизма не только въ отцахъ, но отцы то еще хуже нигилисты чѣмъ дѣти. У злобы нашихъ подпольныхъ есть хоть какой-то гнусный жаръ, а въ отцахъ тѣ же чувства, но цинизмъ и индифферентизмъ, что еще подлѣе“.

Вообще онъ прямо предсказалъ этотъ взрывъ въ разныхъ концахъ Россіи, стхійнаго ропота и возмущенія народа, глѣва п сакозуда народнаго, съ неизбежностью въ такихъ случаяхъ суммарными казнями народными и другими жестокостями толпы, возмущенной и выведенной изъ всякаго терпѣнія всевозможными надругательствами надъ всѣмъ для народа священнымъ и неприкосновеннымъ со стороны дерзкихъ революціонеровъ, какъ нѣчто совершенно понятное и вполнѣ естественное. И замѣчательно, что даже здѣшнія наиболѣе серьезные и Россіи невразумительныя газеты, вопреки лживымъ заграничнымъ депешамъ въ русскія газеты (о чемъ говорится ниже), недавно говорили тоже самое. И я себѣ легко представляю, какъ онъ возмущался-бы безсильно-злобными криками известной части нашей прессы и всякихъ радикаловъ само-

новѣйшаго типа на разныхъ митингахъ на счетъ пресловутой „черной“ сотни (а они-то сами очень ужъ бѣленькіе по своимъ „патристическимъ, удивляющимъ даже Европу поступкамъ въ настоящую нашу годину, наѣрное скажутъ-бы Достоевскій). „Черныя сотни черны, подлый народъ, хулиганы!“ постоянно ревутъ они теперь, хотя столь часто употребляемое ими послѣднее наименованіе („хулиганы“) нѣмко и просто ни съ чѣмъ несообразно. Видъ одинъ ученый врачъ, давая въ судѣ показанія, пустилъ его въ ходъ въ отпосеніи всякихъ новѣйшихъ тунеедцевъ, нищихъ по лѣни, воровъ и грабителей изъ-за угла „по убѣжденію“, именующихъ себя тоже своего рода интеллигентами, которыхъ будто-бы наша „среда заѣла“ и, очевидно, составляющихъ скорѣй подонки именно нашей революціонной толпы, а не народа столь богобоязненнаго и непрестанно трущагося буквально въ потѣ лица своего! Если же въ эти якобы черныя сотни нѣрѣдко попадаютъ и всякіе подобные хулиганы (не говорю уже о новѣйшихъ такъ называемыхъ аграрныхъ, сбитыхъ съ толку, бунтовщикахъ) и вообще воры и грабители, то и это совершенно понятно. Эти неадѣ на свѣтѣ ради важныя стекаются при всякихъ сборищахъ и движеніяхъ толпы, не исключая и самыхъ радикальныхъ „освободительныхъ“. Когда 16 лѣтъ назадъ здѣсь интеллигентные социальныя демократы праздновали 1-ое мая и вздумали устроить маленькую пробу революціи, то и они сами (нѣсколько всякіе подивившіеся) страшно грабили все, что только имъ попадалось на болѣе отдаленныхъ улицахъ Берлина, разбивая ради грабежа окна и двери магазиновъ и квартиръ (за что, конечно, полиція рубила ихъ направо и налево).

А знаете-ли что еще мнѣ говорилъ Достоевскій въ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ на этотъ счетъ? Это наши вѣрнѣйшіе и надежнѣйшіе царскіе резервы! Войска могутъ не подоспѣвать то туда то сюда. Да отдѣльныя ихъ части иногда могутъ и дрогнуть, а то и измѣнить — по недоразумѣнію или просто вслѣдствіе обмана (что подтверждается прежде и самою недавнею исторіею, luckily прибавить). А эти нѣтъ... Революціонеры ихъ ничѣмъ не одурачатъ и не проведутъ. Они будутъ дѣйствовать въ непоколебимомъ убѣжденіи въ святости того дѣла, на защиту коего они будутъ мужественно и отчаянно мгновенно подниматься тамъ, гдѣ лишь завидятъ злоумышленниковъ... Вотъ по возможности точныя слова нашего незабвеннаго и всѣмъ намъ теперь дорогаго Федора Михайловича. Много изъ того, что онъ мнѣ говорилъ и записывалъ, иногда по его же напоминанію объ этомъ. Но то что и вспомню изъ его драгоцѣнныхъ бесѣдъ иногда и безъ всякой записи достоверно, такъ какъ тѣ его живыя, задушевныя особенно патристическая бесѣды такъ (кажется) и звучатъ въ моихъ ушахъ и по сей день...

Само собою разумѣется, что, предсказывая народныя возмущенія при первыхъ началахъ революціи, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы одобрить искусственное натравливаніе народа (въ чемъ теперь такъ усердно, очевидно голосовно и легкомысленно, а то и отчасти злонамеренно извѣстная часть русской радикальной и легальнаго революціонной прессы обвиняетъ не только полицію, но и многихъ губернаторовъ, требуя ихъ смѣщенія и въ чемъ уже тогда многие изъ этого же лагеря обвинили полицію) на такъ называемое „освободительное движеніе“. Да въ такомъ науескиваніи, по его убѣжденію, и не было и не будетъ никакой надобности, такъ какъ нашимъ властямъ, наоборотъ, скорѣе всегда нужно думать о поддержаніи народныхъ массъ въ отношеніи настоящихъ или мнимыхъ революціонеровъ, — конечно, пока революціонная смута не охватитъ многихъ областей Россіи и пока въ войскахъ не будетъ недостатка...

Однако онъ былъ и противъ усерднаго воздерживанія силою или оружіемъ такихъ естественныхъ народныхъ взрывовъ, равно какъ и противъ безпощаднаго обращенія съ участниками въ нихъ какъ съ обыкновенными злоумышленниками и преступниками. Замѣчательно, кстати замѣтить, что на эту точку зрѣнія теперь становится даже и нѣкоторыя здѣшнія газеты, невразумительныя Россіи. Если, говорятъ онъ, толпы русскаго народа то тамъ то сямъ „стали бить студентовъ, интеллигентовъ и евреевъ“ (каковъ новый тройной союзъ!), какъ объ этомъ недавно все сообщалось въ депешахъ русскихъ газетъ, то это потому, что народъ въ нихъ уже ясно видитъ (особенно постѣ ихъ постоянной провокаціи и даже самыхъ дерзкихъ вызововъ) враговъ своего отечества и Царя, а не вслѣдствіе хитраго искусства возбужденія этой контръ-революціи русскими властями, „для чего таковыя, — не безъ остроумія замѣчаютъ онъ, во всякомъ случаѣ слишкомъ неповоротливы и лѣнны...“

Да наконецъ и само правительство уже (послѣ написанія этихъ строкъ) признаетъ то, что такъ положительно предсказывалъ Достоевскій насчетъ быстрыхъ и внезапныхъ народныхъ возмущеній при первыхъ явныхъ признакахъ повсемѣстной фабрикаціи рево-

люціи въ Россіи. Извѣстное особое правительственное объ этомъ сообщеніе, совершенно основательно высказывая сомнѣніе въ искусственномъ подготовленіи администраціею и полиціею такихъ возмущеній или „поражающихъ явленій, которые происходили на всемъ пространствѣ Россіи“, прямо уже говоритъ: „Рядомъ донесеній и сообщеній рисуются совершенно тождественныя повсюду ходъ безпорядковъ, внезапность ихъ и сила. Эти свѣдѣнія даютъ основаніе полагать, что люди утомленные стачками и отсутствіемъ порядка и безопасности, не наступившими и послѣ изданія манифеста 17 октября, проявляютъ свое недовольство въ тѣхъ рѣзкихъ и тяжелыхъ формахъ, въ которыхъ обыкновенно совершаются подобныя народныя движенія“. Да, совершенно вѣрно!

Но изъ этихъ же откровенныхъ официальныхъ строкъ оказывается, что увы! даже болѣе радикальная (если ее понимать въ стислѣ толкованія нашихъ радикаловъ) чѣмъ во многихъ европейскихъ государствахъ неожиданная конституція наша отъ 17 окт. (по крайней мѣрѣ пока и эта громадная реформа скорѣе оказываетъ у насъ свое дѣйствіе какъ разъ наоборотъ!) нисколько не спасаетъ Россію отъ всякаго рода дерзкихъ попытокъ доморощенной революціи и даже всякихъ безпорядковъ и бѣдствій, въ томъ числѣ и небывалыхъ въ самой Европѣ по своему распространенію почтовыхъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ прямо революціоннаго характера стачекъ (развитыхъ тамъ именно шаблоннымъ съ революціонною закваскою парламентаризмомъ: обструкція всякаго рода — вѣдь порожденіе послѣдняго!). А именно это постоянно и проповѣдывалъ нашъ Достоевскій, осмѣивавшій всѣми способами нашихъ доморощенныхъ мудрецовъ всякаго рода, упорно надѣвавшихся чутъ ли и не даже чуму и холеру изгонять именно этимъ будто-бы „единственнымъ“ средствомъ, „помогающимъ отъ всего“, какъ у насъ съ дѣтскою наивностью подобные „мыслители“ твердятъ и по сіи столь позорные и жестокие для отечества дни!...

В. Пуцковичъ.

Живое поминальное слово о Достоевскомъ.

Отъ редакціи.

Уже послѣ заключенія всѣхъ нашихъ строкъ о Достоевскомъ и Аксаковѣ мы получили „Русское Дѣло“, въ которомъ очень кстати оказалась перепечатанною живая и интересная поминальная статья Ивана Сергѣевича объ его другѣ и единомышленникѣ Федорѣ Михайловичѣ. Къ сожалѣнію, мы можемъ перепечатать лишь начало ея; оно имѣетъ особенное отношеніе къ переживаемому нами теперь...

Москва, 7 февраля 1881 г.

Истинно событіемъ стала для нашего общества смерть Достоевскаго, событіемъ внутреннимъ, нравственнымъ и духовнымъ міра. Бываютъ минуты въ жизни частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, когда внезапно озарится свѣтомъ все невѣдомое, сокровенное души, когда неожиданно, негаданно воспринять со дня ея незнанная, забытая или пресрѣнная правда и властительнымъ порывомъ высвободить ее, хоть на мигъ, изъ стѣй лжи и лукаваго мудрованія. Задержать эту минуту, утвердить ее въ сознаніи, поставить ее себѣ ступеню — это уже значить двинуться впередъ... Но не всегда такъ бываетъ, и приходится ждать новыхъ событий — новыхъ потрясающихъ ударовъ...

Глубоко знаменателенъ этотъ единодушный всеобщій взрывъ скорби и сочувствія къ умершему, о которомъ сообщаютъ намъ Петербургскія газеты. Отъ Царя (къ его вышней славѣ) до послѣдняго студента — всѣ потили писатели. Еще никогда никого такъ не хоронили; ничего подобнаго не видывали Петербургъ. Всѣ эти внезапныя, не предусмотрѣныя, не предумышленныя, а потому несомнѣнно искреннія извѣщенія участія, признательности, уваженія, какъ со стороны представителей власти и Церкви, такъ со стороны общества безъ различія партій и наравленій, и особенно со стороны учащейся молодежи, — все это чествованіе, такъ нечаянно, само собою, вдохновенно сложившееся, исполнено важнаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, кого-же и за что чествовали въ Петербургѣ съ такимъ непритворнымъ, безотчетнымъ увлеченіемъ и обществомъ и молодежью? Да и въ одномъ-ли Петербургѣ, и теперь-ли только? Кто и чѣмъ, мѣсяцевъ восемь тому назадъ, вызвалъ цѣлую бурю восторговъ, въ приснопамятные дни Пушкинскаго празднества, на Московскомъ литературномъ соборѣ, среди Московской молодежи и Московскаго общества? Мы тогда же назвали рѣчь Достоевскаго и впечатлѣніе имъ произведенное „событіемъ“, но оно было лишь предтечею того великаго смятенія любви и горя, которымъ обхвачъ былъ весь мыслящій городъ при вѣсти о кончинѣ, когда не то или другое случайное слово, а весь нравственный

*) И въ самомъ дѣлѣ: дѣй радикальнѣйшія московскія газеты, „Русскія Вѣд.“ и „Русское Слово“, какъ подѣливаясь надъ этимъ сообщали здѣшнія газеты, недавно попросили даже военной силы для охраны своихъ помѣщеній отъ народа, будто-бы всегда горою стоящаго за подобныя рѣдители о немъ!